

Александр ВАРГО

ЖИВОТНОЕ

*...детские кошмары - это
сатана, поселившийся в тебе...*

ЭКСМО

МУСТ. Черная книга 18+

Александр Варго

Животное

«ЭКСМО»

2013

Варго А.

Животное / А. Варго — «Эксмо», 2013 — (MYST. Черная книга 18+)

Его неотступно преследуют детские воспоминания и кошмары, и сейчас, во взрослой жизни, он постоянно сталкивается с их отражением. Его сознание причудливо смешивает воспоминания и реальность, и уже трудно понять, где сегодняшний день, а где – прошедший, где правда, а где игры воспаленного разума. Это приводит к убийству близкого человека и невообразимому калейдоскопу странных и опасных событий, ведущих к страшному выбору – что же теперь делать дальше? Впрочем, он находит силы, которые, возможно, способны помочь ему вырваться из этого кошмара и обрести шанс вернуться в реальность.

© Варго А., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава I. Она приближается	6
Глава II. О котенке	10
Глава III. Домашний любимец	14
Глава IV. Случайная смерть	16
Глава V. О невесте и кладбище	21
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Александр Варго

Животное

©Гольцов К., 2013

©Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава I. Она приближается

Я сидел на широкой, излишне мягкой кровати в нашей маленькой квартире-студии и бесконечно долго смотрел на кухонный тесак, лежащий чуть поодаль. Простой и вечный предмет, который не выбирает, а лишь исполняет волю человека. Кровь на его лезвии уже свернулась, но это вовсе не означало, что вскоре там не окажется новой – животного, моей или нас обоих. Именно об этом я размышлял – со мной все понятно и так, а вот копошащийся вокруг мертвой невесты котенок – большой вопрос. Хотя именно он был виновником произошедшей трагедии, пусть и невольным.

А началось все в палаточном лагере, раскинувшемся на несколько дней в роще рядом с Бородинским полем. Меня и еще одного мальчика послали сюда от школы, чтобы стать свидетелями грандиозного спектакля, разыгрывающегося в честь произошедших здесь в 1812 году драматических событий. Это было вполне заслуженно и справедливо – история всегда привлекала меня своей масштабностью и неоднозначностью, однако с новым учителем-предметником отношения у нас не заладились с первого знакомства. Между нами ничего не произошло – просто возникла необъяснимая взаимная антипатия, сразу же отразившаяся на моих оценках. Уверен, нечто подобное бывало у всех, но от этого не становилось легче.

И кто бы мог предположить, что ровно две недели назад именно он предложил мою кандидатуру как самую лучшую для почетного права поехать сюда? А чудо произошло во время репетиции во Дворце пионеров и школьников постановки на тему войны 1812 года. После исполнения популярного стихотворения «Скажи-ка, дядя, ведь не даром...» учитель задал вопрос – все ли и всем ясно. Это было сделано в характерной снисходительной манере, подразумевающей несколько иное – неужели даже у таких глупцов, как вы, остались еще какие-то вопросы? Понятно, что ничего отвечать здесь не требовалось, но в этот момент меня что-то дернуло выступить вперед и сказать:

– Мне кое-что непонятно.

На этом я замолчал, нерешительно замер и не знал – зачем вообще все это затеял и о чем буду говорить дальше.

На лице историка отразилось изумление, а губы тронула ехидная улыбка:

– Так, так – и в чем же дело? Мы вас внимательно слушаем.

Упор, конечно, был сделан именно на «вас».

Все притихли и смотрели на меня – многие восхищенно, другие – откровенно презрительно. Что же дальше? И тут мне в голову пришел неожиданно простой ответ.

– Столицей России тогда был Санкт-Петербург. Зачем же Наполеон пошел на Москву? – произнес я, однако не был полностью уверен в справедливости сказанного. Точно ли Санкт-Петербург был тогда столицей? И еще в голове мелькало, что вроде как изначально французы планировали захватить и его, только в 1814 году.

– И как ты только умудрялся на протяжении стольких лет быть отличником по моему предмету? Или начал неуклонно деградировать в переходном возрасте? Видимо, рамки школьных учебников здесь слишком для тебя узки, но я помогу их расширить, не волнуйся. И первым шагом станет...

На следующий день я узнал от классного руководителя, что мне от школы, по настоятельному ходатайству нового учителя истории, предоставлена почетная возможность вместе с другим мальчиком посетить такое интересное событие. А когда стало известно, что сам нелюбимый педагог остается по каким-то делам в Москве, я с удовольствием согласился, и по большому счету это было очень даже интересно. Пожалуй, единственным, кроме, разумеется, кошачьей лапки, что омрачило эту поездку, была мама, которая почему-то пристально сосредоточилась на моем инструктаже относительно места сна в палатке. Она днями буквально

изводила меня напоминанием о необходимости спать там только посередине, но ни в коем случае не с краю. Это превратилось для нее прямо в какую-то навязчивую идею, что в итоге сыграло со мной злую шутку, заставляя чувствовать себя дискомфортно, но несколько по другому поводу.

Когда в назначенное время мы подъехали к нашей школе, откуда должны были стартовать все участники похода, мама сказала, что решила дать мне с собой целых десять рублей «на текущие расходы, которые надо делать разумно». По тем временам это было эквивалентно двум сотням поездок на метро или пятистам звонкам из уличного телефона-автомата. Не такая уж огромная, но все-таки приличная сумма.

Она произнесла это таким тоном, словно делала мне настоящий королевский подарок, но тут же оговорилась, чтобы я был экономным и «все не тратил». Хорошенькое пожелание!

– Может, я обойдусь как-нибудь так? – неуверенно переспросил я, впрочем, заранее зная ответ.

– Конечно, нет. Мало ли что случится! К тому же ты просто обязан купить сувениры – память на всю жизнь. И нам с папой будет интересно.

Мы прибыли на место и разбили палатки прямо на краю Бородинского поля. Это было нечто незабываемое: еда на костре, прогулки по лесу и, конечно же, само представление. Хотя я прекрасно знал, что все происходит понарошку и никаких всамделишных французов рядом нет, запах настоящего пороха и живое действие прямо-таки захватывали воображение, заставляя поверить во все, что угодно.

Вопреки моим опасениям, вопрос с местом ночевки поднимать не пришлось. Старшие ребята самостоятельно размещали наши рюкзаки в палатки, и подразумевалось, что именно на этом месте мы должны спать. У меня мелькнула мысль, что в случае чего можно списать маме вину за «угловое место» на них, но мне досталась именно середина, чему я был несказанно рад – как иногда мало нужно для хорошего настроения и довольства жизнью. Только выспаться мне толком не удалось – первая же ночь принесла очень неприятный сюрприз.

Измотавшись за день на свежем воздухе, вечером мы ввалились гурьбой в палатку, скинули с себя часть одежды, сунули под головы рюкзаки, мгновенно успокоились и уснули. Это было просто замечательно – я очень боялся подтруниваний ребят над плотной розовой кофтой, которую мне дала с собой мама, чтобы «не заболел». Однако в ней мне стало на самом деле тепло и очень уютно.

– А давайте рассказывать страшные истории, – начал было один из мальчиков, но все были настолько уставшие и полные впечатлений, что захрапели при первой же его попытке рассказать что-то про чертей и оживающих мертвецов. Что касается меня, то последняя фраза, которую я помнил, была:

– И путники сделали привал в деревенском доме, находившемся возле старого заброшенного кладбища.

Потом я стремительно нырнул в черноту и, кажется, проснулся буквально через мгновение, хотя, на самом деле, уже таинственно мерцал рассвет. Сначала меня охватила дикая паника – никак не удавалось узнать то место, в котором я оказался. И первое, о чем подумалось, – почему-то рассказы Эдгара По, творчество которого я тогда очень любил, связанные с погребением заживо. Но потом на меня хлынул поток воспоминаний, и все стало простым, понятным и совсем не страшным. Только сердце продолжало бешено колотиться в груди и, казалось, не собиралось успокаиваться.

Некоторое время полежав с закрытыми глазами, я понял, что сон ушел от меня вместе с ужасом пробуждения, и, возможно, мне предстоит несколько долгих часов просто блуждать в своих мыслях, терпеливо дожидаясь наступления дня. Так было со мной только однажды, когда я впервые поехал летом в детский сад «Зоренька», расположенный рядом с пионерским лагерем «Заря», и всю вторую половину дня провел с мамой в лесу. Вообще-то мне никогда

особенно не нравилось собирать грибы, но в тот раз их оказалось столько, что я с удовольствием набрал полную корзину подосиновиков, от шляп которых трава на полянах казалась растущей на подсыхающей вулканической лаве. Один из грибов попался с поврежденной ножкой и необычно выгнутой шляпкой – мама сразу же окрестила его «инвалидом», и это почему-то настолько меня рассмешило, что я не мог успокоиться до самого вечера. А когда в большой деревянной комнате, уставленной железными раскладушками, все уснуло, мне неожиданно стало очень грустно и неудобно за свое такое странное и неоправданно жестокое поведение. Этот несчастный подосиновик был достоин исключительно жалости, и надо было, наверное, оставить его спокойно расти в лесу дальше, а не рвать и обрекать на смерть в супе. И так ему в жизни пришлось очень нелегко, и даже гриб вполне заслуживает немного покоя и участия.

От подобных размышлений у меня буквально наворачивались на глаза слезы, а сон вместе с забвением никак не шел. Вот так я и лежал, мучимый неприятными мыслями, бесконечно ворочаясь, но бодрствуя. Не знаю, возможно, я и забывался короткими периодами сна, но днем был уверен, что так и не сомкнул глаз, из-за чего чувствовал себя с утра изможденным и разбитым. Мама подумала, что я простудился в лесу, и даже отвела в медпункт, но врачи ничего опасного у меня не выявили, а послеобеденный сон был сладостным избавлением не только от хандры, но и успокоил мою совесть.

Мне не хотелось испытывать что-то подобное в поездке на Бородинское поле, но именно так и случилось. Что еще хуже – место детского раскаянья прочно занял юношеский всепоглощающий страх. И это еще очень слабо сказано – скорее, даже леденящий душу ужас, который с тех пор не просто не покидал меня, а планомерно подпитывался, о чем речь впереди. А в тот момент я просто лежал, прислушиваясь к зловещему вою ветра и видя чернеющие колышащиеся контуры стен и треугольного потолка палатки. Поразительно – такая кажущаяся весьма ненадежной конструкция, а как хорошо укрывает от непогоды.

От мыслей меня отвлек далекий пронзительный звук. Похоже на вой собаки, но вполне может быть и голосом человека. Интересно, кто в такое время бродит по полю и зачем? Это навело на неприятные мысли о том, что мне делать, если незнакомец заглянет в палатку с недобрыми намерениями: притвориться спящим или будить всех воплями? Хотя был еще один вариант – в рюкзаке у меня имелась с собой добротная немецкая финка, которую папа привез в прошлом году из поездки в ГДР. На верхушке ее деревянной лакированной рукоятки размещалось небольшое окошечко с компасом, и финка казалась просто полезным сувениром, если бы не длинное острое лезвие, скрывающееся в обтянутых темной кожей ножнах с широкими петельками для ремня. Конечно, это не было таким грозным оружием, как привезенная каким-то дальним маминым родственником с Севера финка, сделанная, по его уверениям, в одной из тюрем. Папа отвез ее на дачу, где она периодически использовалась по хозяйству, хотя мама сразу наотрез отказалась даже брать ее в руки. Однако вместе с элементом неожиданности я имел, пожалуй, весьма неплохие шансы если не убить, то серьезно травмировать потенциального агрессора. Только к чему все эти мысли? Смогу ли я воткнуть в человека нож? Если верить папе, то да. Он как-то внимательно посмотрел мне в глаза и произнес фразу, которую я запомнил на всю жизнь:

– Ты действительно можешь убить человека.

Я уже не помнил – почему у нас возник такой странный разговор, но сейчас это, несомненно, придавало уверенности. Однако мои руки не полезли торопливо в рюкзак, и я не затаился в готовности броситься на незваного гостя. Почему? Просто все это казалось глупым и нереальным. Да, в кино и мультфильмах часто были злодеи, с которыми расправлялись «правильные ребята», но в жизни мне встречаться ни с чем подобным не приходилось. Конечно, кое-кто из старшеклассников носил с собой ножи и даже вынимал их в школе из кармана пиджака, чтобы похвастаться, но этим все и ограничивалось. Максимум, на что были способны эти люди, – пошарить по карманам висящих в школьной раздевалке курток и украсть горсть

мелочи или проездные талончики. Да и то очень скоро эта «проблемная» территория на первом этаже была обнесена металлической решеткой, и древняя бабушка-вахтерша бдительно следила за тем, чтобы никто подозрительный там не ошивался.

Звук, так меня беспокоивший, больше не повторялся, но я продолжал тревожно прислушиваться, стараясь осторожно размять затекшие руки. Кто-то у противоположной стены палатки протяжно похрапывал, и от этого многие беспокойно ворочались, но не просыпались. Эх, счастливыцы – сейчас бы и я с удовольствием спокойно спал и видел какие-нибудь приятные и беззаботные картинки, причудливо смешанные из фрагментов памяти, эмоций и чего-то такого, что человек не в силах осознать. А получается, прямо как у героев детского рассказа «Тук-тук-тук» – со страху в темноте чего только не померещится. Впрочем, я никогда особенно не боялся ночи, за редким исключением, когда читал перед сном что-нибудь из того же Эдгара По или смотрел по телевизору «Вий».

Когда в комнате гас свет, я переворачивался на живот и старался лежать как можно тише, ожидая в любой момент, что ко мне прикоснется зловещая ледяная рука. Даже желтеющая под дверью полоска света, говорящая о том, что родители еще сидят на кухне, успокаивала мало. Вот сейчас они уйдут к себе в комнату, погасят везде свет, и ничем не сдерживаемый ужас вырвется на свободу, чтобы растерзать нас всех. Когда становилось особенно страшно, я, пересиливая себя, медленно вставал и делал два шага к письменному столу. Да, риск оказаться прямо в объятиях какого-нибудь монстра был очень велик, но, если все проходило благополучно, я включал настольную лампу и сразу же пристально оглядывал комнату, убеждаясь, что все осталось неизменным. Потом подходил к книжному шкафу, зажимая пальцами и немного приподнимая, тихо открывал полку с любимыми произведениями Александра Дюма. Звук, при всех моих усилиях, все же был – неприятный и скребущий, но родители так ни разу и не поднялись, чтобы меня побеспокоить, хотя, возможно, что-то и слышали. Сжав в руках толстый том и ощущая прохладу, я аккуратно усаживался в крутящееся кресло, подоткнув под себя боком ноги, и погружался в чтение. Если не обращать внимания на зловещные тени, главной и самой страшной из которых была, разумеется, моя собственная – живая и огромная, я быстро успокаивался и начинал терять суть повествования. В общем-то, никакой проблемы здесь не было – все любимые книжки я перечел бесчисленное количество раз и просто открывал их наугад, а вот вникать во что-то новое не любил. Хотя, чаще всего, это оказывались не менее интересные вещи.

Ограничиваясь, как правило, парой глав, возвращал том на место, выключал свет и опять оказывался в уютной постели. Было бы обманом утверждать, что после этого так сразу все кошмары растворялись в темноте, но становились как бы гораздо менее осязаемыми – словно герои книг, которые могут существовать только на шуршащих страницах и в клочущей буйной фантазией голове. Именно так я воспринимал и происходящее вне стен палатки этой ночью, потому финка спокойно лежала в своих ножнах где-то в глубине рюкзака.

В какой-то момент рядом раздался шелестящий звук, словно кто-то пересыпал крупу. Пожалуй, нет, это не пересыпается что-то, а больше похоже на стремительные шаги по траве. Неужели некто идет прямо к нашей палатке? Меня пробила дрожь. Что меня ждет в этом странном рассвете? Кто пришел со стороны Бородинского поля? Чем все это закончится? Эти вопросы набатом звучали в голове, смешивались и, кажется, сгущаясь, образовывали высокую ограду, все явственнее отделявшую меня от реального мира и ведущую напрямую в собственный ужас. И это, как ни странно, заставляло желать, чтобы поскорее наступила та или другая развязка. Только не томительная неизвестность!

Глава II. О котенке

А теперь все снова тихо – только ветер, кажется, крепчает, и что-то периодически задевает палатку – наверное, раскачивающиеся ветки стоящих рядом деревьев. Вот и все, что вышло из моих страхов, только теперь, проникнув в сознание, они начали все больше материализоваться и рисовать ужасающие образы. Как же – послышалось. Глупости – такая наивная ложь не может успокоить даже маленького ребенка. На самом деле, разумеется, опасность совсем рядом – просто затаилась и ждет, пока я о ней забуду, чтобы нанести единственный, но смертельный удар. Пусть идет время и ничего не происходит – просто этот кошмар прекрасно знает, что нет ничего ужаснее, чем ожидание неизвестности, которая неумолимо принимает зловещий образ приближающейся смерти.

Я сидел, слушая быстрый стук сердца и ощущая легкий шум в голове. Нет, это просто невыносимо, и, чтобы развеять все страхи, мне просто необходимо как-то узнать – что же происходит рядом с палаткой? Собственно, требовалась та же самая решимость, как пойти и зажечь ночью дома лампу на столе, только здесь я чувствовал себя гораздо менее защищенным и очень уязвимым. Да и электричества в палатке не было – чтобы забраться внутрь и улечься, ничего подобного и не требовалось, а большой металлический фонарь, который я хотел захватить с собой из дома, родители мне категорически запретили брать. Аргумент – обязательно разобью стекло. Весомо, не так ли? Да и чем бы он сейчас помог? Я представил, как аккуратно отвожу в сторону полы входа в палатку и щелкаю по тугой белой кнопке только для того, чтобы увидеть ужасного монстра, стремительно летящего на меня из тьмы, через мгновение отрывающего голову или вырывающего с моего лица глаза. Жутко! Но даже если там все гораздо банальнее, то, увидев луч света, незнакомец может попросту отступить в сторону и, оставаясь в тени, дожидаться, пока я не скроюсь в палатке. А потом он зловеще ухмыльнется и придет за мной – теперь-то злодей будет точно знать, что кто-то не спит и, в случае чего, может поднять тревогу, разрушив все его коварные замыслы. Ну, хорошо, раз все так, то какой же вариант будет самым безопасным и разумным?

– Ну, конечно, окно, – прошептал я и почувствовал, что мои губы пересохли, покрывшись неприятным налетом.

В самом деле, от прорези в стене палатки, закрытой куском материала на бrenчащей застежке, меня отделял всего один спящий рядом человек. Ничего не стоило аккуратно протянуть руку, открыть позвякивающую бляшку и взглянуть. Но ведь там, скорее всего, непроницаемая темнота? Может, и так, но даже в ней можно многое различить или, по крайней мере, лучше услышать то, что может издавать звуки. Пожалуй, это самое лучшее решение, которое я тут же без всяких затруднений осуществил, с удивлением увидев, что практически рассвело.

Мягкий таинственный свет застилал все вокруг, делая привычные вещи какими-то объемными, а неплотный туман бережно окутывал все таинственностью и ощущением чуда. Как же было красиво! Но ничего настораживающего я не видел. А ведь часто именно так и бывает: напридумываешь себе невесть чего, а как доходит до дела, все становится гораздо проще, и остается только удивляться и смеяться над собственными страхами. Помню, что-то натворив, я потом всегда долго мучился, ожидая неминуемой расплаты или ответа, заранее прокручивая в голове все возможные варианты развития событий и тщательно взвешивая линию своего поведения в каждом из них. Но потом почему-то частенько оказывалось так, что все происходило совсем по-другому и, на удивление, с минимальными проблемами.

Я все дальше заглядывал в окно палатки и постепенно начал успокаиваться, очарованный окружающей первозданной красотой. Всем этим можно было только восхищаться, но никак не бояться. Мне неудержимо захотелось встать, выйти наружу и побродить по окрестностям, наслаждаясь чудом и пытаясь пропитаться его неземным очарованием.

Я слегка отклонился в глубь палатки, облегченно вздохнул, и тут что-то небольшое, странно вытянутое мелькнуло и исчезло справа. Сначала у меня появилась мысль о стремительно пролетевшей птице, но потом по спине поползли мурашки, и я непроизвольно вскрикнул. Сознание услужливо нарисовало один из самых ужасных кошмаров, который мне иногда снился в детстве, хотя впоследствии, когда об этом изредка вспоминал, я не мог объяснить себе – что же такого ужасного в этом было. А суть его – в червяках: длинных, черных и копошащихся в невероятном количестве по какой-то безумной белой спирали. Как только этот образ являлся во сне, я испытывал настолько сильный страх и тошноту, что просыпался в холодном поту и ощущал эти самые мурашки, еще долго бегавшие по моей неестественно выгнутой спине.

Но что же такого ужасного в увиденном было сейчас? Нет, дело здесь явно не в червях и спиралях.

В палатке понемногу становилось светлее, а я все еще сидел на коленях, застыв, словно чего-то ожидая. Где-то запела птица – возможно, та самая, которую я мельком увидел, но это почему-то не успокоило, а наоборот – заставило остро ощутить реальность стремительно приближающейся опасности. И тут с другой стороны палатки что-то заскреблось – мягко и даже как-то грустно. Что же это может быть? Тоже какое-то животное или ветки?

– Ах! – как показалось, очень громко вскрикнул я и почувствовал, что глаза наполняются неконтролируемыми слезами.

Жуткая черная тень появилась в правом нижнем углу палатки и начала медленно двигаться в сторону окна. Очень хотелось принять ее за ветку, но, хоть и искаженно, я видел на ней вздыбленные волосы, а потом появился этот запах – свежерытой могилы. Я осторожно вдыхал его, боясь пропитаться зловонием целиком и умереть, как было в последний раз на кладбище.

В тот день бабушка взяла меня с собой на Пасху, и набитый людьми бело-синий автобус долго вез нас по каким-то ухабам в неизвестные и таинственные Островцы. Для меня это слово ассоциировалось с водной гладью и множеством маленьких отмелей, по которым придется идти, чтобы попасть к нужным могилам. И кому только пришло в голову делать кладбище в таком неудобном и потенциально опасном месте? Хорошо еще, что я был в сапогах и любил прыгать, а вот за бабушку испытывал большие опасения – как бы ее не засосало в какое-нибудь болото и мне не пришлось непонятно как возвращаться назад в одиночестве. Что еще хуже – потом меня, конечно, спросили бы – где же она? И я не представлял – как буду оправдываться и уверять, что непричастен к смерти бабушки, а так получилось случайно как раз из-за людей, которые почему-то распределили могилы по островкам.

Что удивительно, в автобусе все вели себя очень доброжелательно и даже весело переговаривались – такое казалось уж слишком не соответствующим посещению кладбища настроением. Потом мы вышли на остановке, пересекли дорогу и оказались в искусственном изобилии цветов. Мне было позволено вынуть пару ярко-красных бутонов на проволочных и почему-то перекрученных поролоном ножках, и, миновав высокие арочные ворота, мы оказались перед невообразимым пересечением асфальтовых и вытопанных в земле дорожек. Между ними неровными рядами стояли плиты, которые показались мне уродливыми и заведомо холодными, словно берущими свое начало где-то глубоко под землей – в царстве вечного мрака и ужаса. Но больше всего не понравились свежие грязно-желтые холмики – как пояснила бабушка, здесь совсем недавно кого-то похоронили, поэтому сверху лежит так много венков и цветов, а вместо плиты торчит небольшая металлическая табличка. Последняя явно была не лишней, иначе трудно было бы вообще найти нужную могилу, что пугало и в то же время заставляло почувствовать себя взрослым и все понимающим.

– А где же вода и островки? – удивленно спросил я бабушку и получил весьма характерный для взрослых, которые мнят себя всезнайками, малопонятный ответ:

– Чего ты там напридумывал? Это просто такое название места, и все тут.

Чем пришлось и довольствоваться – впрочем, я особенно об этом и не думал, убедившись, что ничего страшного и опасного здесь на самом деле нет. Однако буквально через несколько шагов меня захватило кое-что другое – стало казаться, что за этими железными воротами я оставил все свои заботы, казавшиеся очень важными. Наверное, если пробыть в таком месте долго, то никуда потом не захочется и идти. Гораздо проще и правильнее будет попытаться забиться под какой-нибудь свежий холмик и дружелюбно произнести лежащему там человеку:

– Эй, друг, подвинься немного, а то здесь тесновато.

Вдыхая могильный запах, я неожиданно представил, как мелкие темные частицы начинают оседать внутри, копиться и постепенно превращаться в грязно-желтые горки, а потом начнут сыпаться изо рта, ушей и глаз. Не успеешь оглянуться, и окажется, что вокруг царит тишина, никого нет, а земля не только внутри, но и окружает повсюду. Хочется вырваться и убежать к привычной жизни? Да, но надо себя сдерживать – ведь ты умер, все уже попросились и даже соорудили для тебя такой замечательный холмик. А в мастерской, расположенной чуть в стороне и чем-то похожей на рынок стройматериалов, какой-то серьезный человек уже начал высекать на камне твое имя.

Это было по-настоящему страшно, и я старался не дышать, но, казалось, эта вонь уже пропитала всю мою одежду, кожу и так просто не отступит. Вот и теперь – я был в ужасе и удивлен, как это ребята рядом могут продолжать спокойно спать, когда здесь так смердит, и ветерок доносит не запах травы и цветов, а безвкусный могильный холод. Да, никакой ошибки здесь быть не может – неужели он плыл ко мне все это время из Островцов и, наконец, настиг? Или мы встанем, выйдем из палатки и увидим, что она стоит в центре гигантского кладбища, сплошь состоящего из свежих холмиков, засыпанных искусственными цветами, но бурлящих, удерживающих из последних сил тех тварей, что оказались внутри, но очень хотят выбраться наружу. Зачем? Конечно, чтобы отомстить, отыграться на тех, кто обрек их на ужасное существование в вечной темноте и забвении, а возможно, и попытаться вернуть себя к привычной жизни, поменявшись с кем-то местами.

Сначала, из-за толщины тени, я подумал, что это точно зловещая рука существа, вырвавшегося из могилы. И испытал даже чувство некоторого облегчения от того, что ни разу еще никого не хоронил и, следовательно, не могу быть обвиненным к причастности к такому преступлению. Но тень постепенно становилась меньше и вместо пальцев оканчивалась небольшим разлапистым бугорком. Это почему-то начало пугать меня еще больше – может, рука обрублена?

Но нет – пожалуй, я знал страшный ответ с самого начала, просто не мог и не хотел в это верить. Теперь же замороженно глядел, как в окошке палатки возникает маленькая волосатая лапка, и мне показалось, что волосы становятся дыбом, а мою голову пронзает такая боль, словно она лезет уже через нее, выдавливая мозг и кроша кости черепа. Потом все замерло, словно наслаждалось произведенным эффектом, потом лапка изменила траекторию, поддев узкое пересечение материала, делящее окно на небольшие квадратики, и проникла внутрь.

Она двигалась медленно, но как-то неестественно дергаясь, словно ее обладатель испытывал серьезные трудности. Когда вонь стала совершенно невыносимой и, чуть двинув головой вперед, я мог бы уже коснуться свалывшихся грязных волосков, лапка остановилась и разжалась, выпуская острые когти. В этот момент у меня почему-то мелькнула мысль – не поседели ли у меня волосы, как было в большинстве кинолент, где герой испытывал нечто подобное? А потом весь скопившийся и разъедающий меня изнутри ужас вырвался наружу, и я завопил:

– Кошачья лапка!

...Это леденящее душу воспоминание заставило меня вернуться к действительности, в которой было еще менее уютно, а что самое главное, требовало от меня каких-то действий.

Удивительно, но вокруг невесты было столько крови, словно я не один раз пырнул ее ножом, а как минимум устроил жестокую резню. Забавно, а мне всегда казалось, что такое показывают специально только в фильмах ужасов – для пушного эффекта, хотя, скорее, это выглядело там просто комично и нереально.

Помню, мне как-то пришла в голову мысль разыграть одного из одноклассников, пришедших ко мне в гости. Перед началом учебного года мы побывали с мамой в «Детском мире» и купили новую школьную форму, а сильно поношенная старая была предоставлена в полное мое распоряжение. Сначала я хотел прикрепить к ней погоны и пару медалей, оставшихся после умершего несколько лет назад дедушки, сделав этаким китель, в котором хорошо было бы играть в войну на улице, но я прекрасно понимал, что смогу покрасоваться в нем только дома. Потом это показалось вовсе не интересным, а даже и каким-то неприличным, поэтому пиджак с брюками, которые налезали на меня с большим трудом и трещали по швам, просто висел в шкафу. А однажды мне в голову пришла интересная идея, и вот ее час настал – я сделал в подкладке разрез и закрепил там большой кусок толстого пластилина, смешанного из двух коробок. Получилась эдакая масса неопределенного цвета с преобладанием оранжевого, практически незаметная со спины. Потом попросил друга разыграть перед гостем маленькую сценку: пока тот раздевается в коридоре, сделать заговорщицкое лицо, продемонстрировать финку и всадить мне ее в спину. Я падаю, и становится видно, что лезвие действительно меня пронзило и на нем есть следы крови – для этого предполагалось сразу перед действием окунуть финку в блюдо с кетчупом. Затем следовало выдержать паузу и жизнерадостно посмеяться над напуганным гостем. Оставалось решить – на ком бы это опробовать? И, после недолгих колебаний, я остановился на одном тихом мальчике из параллельного класса, с которым мы неплохо ладили.

Я сделал мелом пометку – куда именно ударять меня ножом, и сценка была благополучно разыграна за одним исключением: когда я почувствовал входящее в пластилин лезвие, мне почему-то расхотелось падать на пол, и затея показалась совсем не забавной. Странно, конечно, после всех хлопот с подготовкой, но пересилить себя я не мог. Поэтому, с воткнутой в спину финкой, мне пришлось проводить одноклассника в большую комнату, а самому спиной скрыться у себя, вытащить лезвие и снять пиджак. Как я понял, уже одно то, что мне взбрело в голову ходить дома в школьной форме, сильно озадачило гостя, а странные манипуляции друга и мой стремительный уход только подлили масла в огонь. Он воздержался от вопросов и комментариев, но бросал на нас весьма красноречивые взгляды, которые раздражали и в то же время заставляли чувствовать себя какими-то пристыженными, словно пойманными за чем-то нехорошим «за руку».

А вот теперь – все очень даже по-настоящему, и ничего переиграть нельзя. В первый момент я подумал, что любимую еще можно спасти – ведь я всего лишь один раз ударил ее ножом в грудь. Однако уже по тому, как она рухнула в мои объятия, путаясь в недавно купленной занавеске, перегораживающей часть комнаты, я понял, что все необратимо и серьезно, насколько это вообще возможно. Тем не менее я поскорее бережно уложил ее на кровать, с которой встал за несколько минут до этого в прекрасном расположении духа и, можно сказать, счастливым. Пульс у девушки не прощупывался, а выставленное перед лицом зеркальце, позаимствованное из ее сумочки, так и не запотело от дыхания, даже совсем немного. Все было трагично, но предельно ясно и просто. Точно так же, как тот котенок из далекого детства, протянувший сейчас лапку к самому дороговому, что было в моей жизни. Единственное утешение – это произошло, видимо, в последний раз.

Глава III. Домашний любимец

Мы всей семьей отправились на Птичий рынок покупать котенка. Понятно, идея принадлежала маме: папа был не против домашнего животного, но этой темой не интересовался, а я – двумя руками «за», но только, как и все мальчишки, хотел иметь собаку. Когда мама только начала говорить о котенке, я попытался, в меру сил, сориентировать общее мнение в желаемом для себя направлении, но, предсказуемо, не особенно в этом преуспел. Регулярно вечерами я вынимал с книжных полок «Атлас пород собак» и усаживался на самом видном месте в большой комнате недалеко от смотрящих телевизор родителей. Они делали вид, что не обращают внимания, но на самом деле иногда бросали на меня быстрые взгляды. Чтобы усилить эффект, я иногда разворачивал книгу к ним и, показывая на фотографию, например, немецкой овчарки, спрашивал:

– Какая красивая собака. Правда?

Мама никогда не отвечала, а папа рассеянно кивал или говорил:

– Да, хорошая. А ты все уроки сделал?

И вскоре я понял, что таким образом вряд ли добьюсь чего-то вразумительного. Тем более что мама никогда не вынимала «Атлас пород кошек» и не пыталась «провернуть» ничего подобного, что само по себе говорило о многом. Несколько дней я раздумывал – что бы такое еще предпринять, а на желаемую идею меня натолкнул детективный фильм про мужчину, окончившего жизнь самоубийством, но оставившего на столе дневник, которым сразу же занялось следствие. Мысль показалась мне очень хорошей, и, зная чрезвычайное любопытство мамы, трудно было вообразить, что она пройдет мимо тетрадки, озаглавленной «Мой дневник». Так я и поступил: придумал текст по дням за неделю от текущей даты, чтобы не создалось впечатление, что записи начаты именно сегодня, а потом начал оставлять эту тетрадь на самых видных местах комнаты, внося незначительные дополнения. Мама, разумеется, все замечала, но никак не комментировала, хотя и тему относительно котенка стала озвучивать гораздо реже. Это заронило в меня хрупкую надежду, но в то субботнее утро ей не было суждено сбыться.

– Давайте проедемся на Птичий рынок, – сказала мама, и по ее мечтательным глазам я сразу понял, что все мои старания и желания оставлены без внимания.

– Да, я так хочу посмотреть щеночков. Там же их много? – попытался как-то еще раз вслух обозначить я свою позицию, но получил в ответ рассеянные улыбки и ответ папы:

– Там чего только нет, и на многое действительно стоит взглянуть.

На этом мне пришлось капитулировать, и скоро гремящий трамвай под сорок третьим номером вез нас от метро «Пролетарская» в сторону Птичьего рынка. До этого мне ни разу не приходилось там бывать, но ребята рассказывали, что я попаду в самый настоящий зоопарк, только без клеток. Одному из одноклассников купили там как-то хомяка, который однажды укусил его за палец, и родителям мальчика пришлось потратить много времени и нервов на исследование зверя по поводу выявления возможного бешенства и делать какие-то уколы. Такой опыт мне повторять никак не хотелось, поэтому я сразу решил для себя, что смотреть буду во все глаза, но ничего не трогать. Разве что щеночков, да и то, если продавец разрешит и родители отвлекутся на что-то другое.

– Папа, а почему рынок называется «птичий»? Там что, больше всего кур и уток продают? В животе у меня бурлило нездоровое возбуждение, и я просто не мог усидеть молча.

– Насколько я знаю, лет сто с лишним назад так оно и было, а сейчас там просто продается разная живность, – рассеянно ответил папа.

Покинув трамвай, мы вскоре оказались в буйстве зелени, окунулись в характерный животный запах и услышали гармонику необычных для города звуков. Однако уже через несколько минут пребывания на рынке он мне почему-то поднадоел и утомил – особенно

толпы народа, снующие туда-сюда. Кроме того, я ожидал увидеть нечто величественное – как минимум напоминающее высокий свод колхозного рынка, расположенного минутах в двадцати ходьбы от нашего дома, а оказался на обыкновенном участке под открытым небом, выглядящем как-то самодеятельно и несерьезно. Немного смягчили впечатление, пожалуй, только щенки самых разных пород, которые все казались мне очень милыми и желанными.

– Вот там кошки. Идемте правее, – раздался голос мамы, и папа резко потянул меня в сторону, приговаривая:

– Не торопись так, а то здесь недолго и потеряться.

И вот вокруг нас замелькали самые невообразимые раскраски шерсти, в нос ударил резкий запах мочи, а пространство наполнилось мяуканьем и урчанием. Каких только кошек здесь не было: начиная с кучек спящих или играющих котят, пристроившихся в картонных коробках или прямо на руках, и заканчивая огромными степенными животными, гордо сидящими в пластмассовых клетках и презрительно посматривающими на проходящих мимо людей.

– Вот здесь есть породистые, давайте посмотрим.

Мама нырнула в толпу, а мы с папой остановились, глядя на самодельные плакаты, указывающие принадлежность котов к определенным клубам. Как же их много, да еще у каждого свой логотип – в виде улыбающихся морд животных, следов лап, выгнувшей спину тени и даже витиеватых усов солнышком. Не разобраться самим – насколько я знал, от этой темы родители всегда были очень далеки. Оставалось положиться на удачу или уехать отсюда ни с чем. Хотя где-то в глубине души у меня теплилась крохотная надежда, что в случае, если почему-то не сладится дело с котенком, есть шанс все-таки оказаться дома со своей собакой.

– Идите сюда! Что вы там стоите? – раздался раздраженный голос мамы, и в толпе мелькнуло ее раскрасневшееся лицо.

Через мгновение мы оказались в бурлящем сплетении тел, и я с большим трудом вслушивался в какой-то плывущий голос толстой женщины средних лет, унизированной множеством шелестящих браслетов и бус. Она что-то рассказывала о породах и клубах, потом сама себя перебивала и начинала горячо убеждать, что ее мнение – просто независимый объективный взгляд, и мы можем с ней не согласиться, но все-таки стоит прислушаться к «доброму совету». В общем-то, именно это в итоге было и сделано, а мама остановила свой выбор на двух персидских котятках, принадлежащих разным клубам. И здесь, как часто бывало, она обратилась ко мне:

– Ну, нравятся? Какой клуб, думаешь, лучше? Просто скажи.

Откуда мне было знать? Однако для родителей это не имело никакого значения – просто надо было на кого-то свалить ответственность, если что-то пошло бы не так. Кто выбирал? Конечно же, я. Вот «стрелочник» и найден, а они, разумеется, остались ни при чем. Хотя никаких вариантов отвертеться у меня не было. Взглянув на два похожих названия и логотипы в виде кошачьей пасти с длинными клыками и каким-то абстрактным символом, я остановил свой выбор на одном из них.

Глава IV. Случайная смерть

Так у нас в доме появился всеобщий любимец, который даже был приучен к лотку. Сначала я относился к нему излишне грубо или подчеркнуто равнодушно, считая пусть и невольным, но виновником того, что мне не купили собаку. А потом искренне полюбил и, что не менее важно, был единственным из класса обладателем кота. Это меня невольно выделило, не говоря уже о том, что домашние животные были мало у кого из известных мне ребят. Мама назвала его Лилеен – какое-то немного глупое имя, ассоциирующееся у меня с чем-то французским. В общем-то, по родословной назвать котенка нужно было только с определенной буквы, но, наверное, и здесь можно было выбрать что-то, по крайней мере, более легко произносимое.

Родители накупили множество баночек кормов, которые стали называть «мокрыми», когда попробовали ввести в рацион Лилеена сухие кубики из больших бумажных пакетов. Широкое ложе, похожее, по выражению папы, на «лохань», разместили в моей комнате между шкафом и тумбой для белья, но котенок лежал там лишь изредка, предпочитая мягкие кресла и диваны. При этом он был весьма компанейский и не мог терпеть, когда не видит всех домашних в одном месте – тогда он начинал курсировать между комнатами, стараясь не пропустить ничего важного. Когда же кто-то был дома один, Лилеен удачно перевоплощался в его тень и отслеживал буквально каждый шаг. Это вовсе не напрягало, но иногда я думал о том, как хорошо, что коты не могут говорить – иначе сколько всего бы он мог понарасказать обо мне маме.

Котенок постепенно стал настолько привычным членом семьи, что казалось невозможным представить – как это мы жили до этого без него. Правда, мама уделяла ему все меньше времени – у нее оказалась аллергия на шерсть, чего, как она уверяла, «отродясь не было». Папа после поездки на Птичий рынок, похоже, считал свое участие на этом исчерпанным и не проявлял к домашнему любимцу никакого особенного интереса. Хотя иногда и благосклонно позволял полежать рядом на диване или взобраться до коленок по вытянутым тренировочным штанам. Это вызывало жалость, и я все больше привязывался к Лилеену.

– Может, мы поторопились с покупкой котенка? – однажды воскресным утром эти слова сорвались впервые с маминых губ, и с тех пор я потерял покой.

– Если ты так хочешь, можем попытаться его пристроить в какое-нибудь хорошее место, – задумчиво протянул папа, на мгновение появившись из-за газеты, которую любил читать за завтраком. – Может, и сын с кем-нибудь из одноклассников договорится? – Папа откашлялся и мельком посмотрел на меня.

Ах, вот как, мало того, что разговор идет о такой ужасной вещи, как вероломное предательство нового члена семьи, так моего мнения даже никто и не спрашивает – просто записывают в исполнители!

Этот вопль, разумеется, прозвучал только в душе, но происходящее меня настолько поколебало, что я не находил от возмущения слов. И с этого дня я стал подчеркнуто много времени проводить с котенком, при этом не упуская случая озвучить, как здорово, что он у нас есть.

Время шло, подобные разговоры начинали происходить все чаще, но, насколько я понял, пристроить куда-нибудь Лилеена не удавалось, поэтому мы все еще были вместе.

– Ты не спросишь, наконец, в классе – не нужен ли кому этот котенок? – однажды, как бы между прочим, поинтересовалась у меня мама. – Если «да», скажи, что я обязательно созвонюсь с их родителями, и мы обсудим этот вопрос.

Разумеется, мне даже в голову не пришло кому-нибудь говорить о подобном, но родителям я сказал, что желающих не нашлось. Конечно, мне было понятно, что бесконечно так продолжаться не может, и Лилеен вполне может однажды просто быть выброшен на улицу, однако все проблемы разом неожиданно разрешила одна трагичная случайность.

В тот выходной день папа взялся за обустройство балкона – мама давно говорила ему о том, что раз уж поставили стекла, то надо сделать хороший настил из досок и удобные полки по стенам. Тогда я не видел в этом особого смысла, а был даже раздосадован – вместо того чтобы пойти прогуляться, вынужден был мало того, что сидеть дома, так еще и выслушивать оскорбления, вынужденно пребывая в постоянном напряжении. Дело было в том, что папа, как и многие люди, превращался прямо-таки в неузнаваемого и непереносимого человека, когда дело касалось помощи в чем-либо. Начиналось все и всегда очень даже хорошо и понятно: просьбой быть неподалеку и при необходимости «немного помочь». Что можно ответить на такое? Конечно, только «да». Однако очень быстро все становилось иначе: ты оказывался виноват в том, что не знаешь – куда папа очередной раз положил отвертку, молоток или шуруп, потом обвиняешься в том, что не ладится дело, и, наконец, выпроваживаешься с громогласным: «Раз не хочешь помогать, а только все портишь, уйди отсюда вообще». Но лично для меня самыми обидными бывали моменты, когда папа сделал что-то не так, а потом неожиданно набрасывался на меня с воплями о том, почему я не подсказал или не поддержал что-то, хотя «все наверняка видел». Ну, да, смотрел, но это вовсе не значит понимания задумки родителей с нахождением вовремя там, где необходимо.

Несколько раз я пытался как-то помягче озвучить подобные мысли, но понимания, разумеется, не нашел. Как говорится, когда надо найти виноватого, это всегда можно сделать. При этом буквально минут через десять после завершения дел папа становился прежним и даже подтрунивал над возникшими проблемами и неудачами, прося меня «не брать в голову». Конечно, легко так вот просто сказать и забыть, а я потом еще долго переживал, вспоминая резкие оскорбительные слова в свой адрес.

Папа завалил часть кухни разнообразными досками и наказал мне быть очень осторожным, так как из многих торчали длинные острые гвозди. Конечно, я все прекрасно понимал, поэтому старался держаться ближе к дверному проему, рядом с которым стояли два лотка-туалета для котенка. Интересно, что, сделав свои «делишки» однажды, он никогда не повторялся и, по возможности, терпеливо ждал, пока кто-нибудь не выливал содержимое лотка и несколько раз споласкивал его под краном. Потом котенок проводил придирчивую «инспекцию» – обнюхивал туалет со всех сторон и, если все было в порядке, делал свои «делишки» или удовлетворенно уходил. В противном случае мы слышали, как он нарочно громко отгребает лоток лапами так, что он звучно ударяется о стену, и понимали, что работу надо переделать. Именно на этот случай и была «запаска». Конечно, и она не гарантировала порядка – уже не менее десятка раз, приходя домой из школы, я находил оба туалета полными, да еще и пару желтых луж на линолеуме, мокрые следы от которых неизменно вели в комнаты и обратно. Но это были понятные житейские пустяки, в которых никто не был виноват.

– Если хочешь мне помочь, то сходи и принеси долото, – сказал папа и махнул рукой в сторону стенового шкафа, где в самом низу был настоящий склад разнообразного инструмента.

Я никогда не мог запомнить всех этих специфических терминов, и даже слово «киянка» долгое время ассоциировалось у меня со сленговым названием девушки-каратистки. Только в школе я узнал, что речь идет всего лишь о деревянном молотке. А папа, словно нарочно, говорил именно на таком профессиональном языке. Переспросишь – в ответ придется выслушать целую тираду о моей тупости, неграмотности и нежелании учиться тому, что «обязательно пригодится в жизни». Как правило, папа не только постепенно повышал голос, но и становился ярко-красным от возмущения, заканчивая речь одной из своих самых любимых присказок: «Учись, пока я жив». Поэтому проще было сходить в коридор, найти какой-нибудь инструмент, принести и ждать – что из этого выйдет. Часто – ничего хорошего, но иногда номер проходил, и папа снисходительно говорил, что, видимо, я не так его расслышал, а та же стамеска висит на гвоздиках справа над запасным аккумулятором. Невнимательность – все-таки гораздо меньшее «преступление», чем незнание.

Но на этот раз, к счастью, после короткого размышления он остановил меня и, сославшись на то, что ему много чего надо будет принести, оставил на кухне в одиночестве.

– Отложи пока те широкие доски с гвоздями к свободной стене у двери. Смотри, будь аккуратнее и прислоняй к кафелю только ровной поверхностью, – раздался приглушенный папин голос, и я принялся исполнять это понятное и четкое поручение, наблюдая в замутненное дверное стекло электрический свет и движение теней.

У нас в доме существовал определенный порядок: проветриваемое помещение должно быть непременно сразу закрыто, а двери в ванную и туалет – быть в таком состоянии всегда. Стоило выйти откуда-нибудь даже ненадолго, как родители поднимали истошные крики:

– Ты почему не закрыл дверь?

И бесполезно было объяснять, что я собирался вернуться в ту же ванную через несколько секунд, поэтому и не стал ничего такого делать.

Поскольку балконная дверь была распахнута и даже прижата тяжелым вытянутым ящиком-табуреткой, в котором хранились картошка и лук, то, разумеется, кухня должна быть закрыта. В подобные моменты я почему-то чувствовал себя странно оторванным от родителей, как будто провинился и меня оставили одного подумать над своим недостойным поведением. В какой-то мере я был именно заперт, так как не мог сейчас взять и просто так выйти. Сразу начались бы фразы – «почему не остался там, где попросили» или «не мешайся под ногами, а жди». Вот я смиренно и стоял, глядя на развевающиеся балконные занавески.

– Посторонись.

Папа тяжело открыл плечом дверь в комнату, неся в руках инструменты, и я еле успел отскочить в сторону, чтобы избежать удара по лицу, который был бы, несомненно, не только сильным, но и весьма болезненным.

– Пригляди, чтобы он сюда не лез.

Вслед за папой на кухню пробежал котенок и устремился к туалетам, забавно приподнимая голову и принюхиваясь к новым непривычным запахам.

– Иди сюда и помоги мне! – раздался из комнаты пронзительный мамин голос, и я даже немного подскочил от неожиданности, поддерживая по просьбе папы металлический «уголок», который он свинчивал с другим в замысловатую конструкцию у стены. Разумеется, это обращались ко мне, подразумевая, что я ничем не занят, а просто так – «тупо» стою и смотрю.

– Ну, давай, иди! – Папа выдернул из моих рук «уголок» и махнул им в сторону. – Я, как закончу, подойду.

Мне понравилась идея пробыть в комнате как можно дольше, чтобы к тому времени балкон был закончен, но я прекрасно понимал, что такое вряд ли возможно. Родители что-то упоминали о «минимум паре дней», но возможность даже короткой передышки вызывала радость.

– Уже иду! – крикнул я, стремительно пересек кухню и открыл дверь. – Что-нибудь захватить с собой?

Этот вопрос я начал задавать с того дня, как вызвал дважды неудовольствие мамы своим стремительным приходом.

– Куда ты так торопишься? На пожар, что ли? Я хотела попросить тебя по дороге захватить тряпку и тот пакет в ванной. Сходи за ними и в следующий раз будь внимательнее.

И что я мог на это ответить? Разумеется, ничего, кроме признания своей несомненной виновности. Однако именно тогда потраченная на вопрос секунда или две, наверное, и стоили жизни Лилеену.

Когда я услышал, что ничего не надо, то, не глядя, ухватился за ручку и резко захлопнул за собой дверь, почувствовав в следующий момент какое-то слабое сопротивление, хруст, рык и бьющиеся движения. Непроизвольно отступив, я с поднимающимся внутри ужасом смотрел на маленькую мохнатую лапку, торчащую снизу двери, которая конвульсивно дерга-

лась и постепенно опадала. В следующее мгновение меня прошиб холодный пот и в сознание ворвался вопрос – почему я ничего не делаю, ведь если у котенка повреждена ножка, то его нужно срочно везти к доктору? Хотя позднее мне стало очевидно, что в тот момент какая-то часть меня прекрасно понимала, что произошло нечто неотвратимое и ужасное, чему не поможет ветеринар.

Сильно вздрогнув, я сделал маленький шаг вперед, слегка толкнул кухонную дверь, а потом закричал – наверное, так же отчаянно и громко, как это произошло в палатке у Бородинского поля. Только тогда разбуженным ребятам и вскоре ворвавшимся в палатку взрослым я объяснил все обыкновенным ночным кошмаром, здесь же что-то придумывать и врать необходимости не было – родители все увидели сами.

Видимо, Лилеен сходил в лоток и попытался выскользнуть из кухни следом, когда моя поспешность защемила его лапку и швырнула на длинные острые гвозди поставленных у кафельной стены балконных досок. Правый глаз котенка был пронзен насквозь, а левый раскрыт очень широко, задумчиво и удивленно глядя куда-то вниз. На белых тонких усиках застыли капли крови, и, кажется, Лилеен стал гораздо меньше и тоньше. Я понимал, что в его боку, скрытые шерстью, торчат еще несколько гвоздей, и все это не оставляет не единого шанса выжить. Но, наверное, котенок умер еще не совсем? Несмотря на мрачность и однозначность картины, кажется, его бока порывисто и чуть заметно вздымались от дыхания, или это был всего лишь ветер из открытой балконной двери.

Родители, придя в первую минуту в легкое замешательство, судя по выражению их лиц, испытали тут же большое облегчение. В самом деле – как опять все славно для них получилось: и котенка в доме не стало, и совесть не мучает – во всем оказался снова виноват их «нерадивый сын». А сколько разговоров на эту тему предстоит с многочисленными знакомыми – мама точно не упустит такой замечательный повод поохать и рассказать всем о том, как она любила «этого чудесного, самого лучшего в мире котенка»!

Чуть позже папа обернет тело Лилеена в полиэтиленовый пакет и отвезет куда-то похоронить, а я, выплакавшись и немного придя в себя, спрошу у мамы, сидящей рядом со мной на диване в большой комнате:

– А можно мне повесить на стену фотографию котенка?

Пара симпатичных снимков Лилеена была сделана на большой фотоаппарат «Зенит», хранящийся у папы в полке «стенки».

– Нет. Ты просто должен понять – у нас был друг, а теперь его нет. Постарайся оставить память о нем в сердце, но твоя жизнь продолжается. Не омрачай ее.

Вот и все. А я-то хотел сделать у себя в комнате нечто вроде уголка памяти – разместить в центре фотографию котенка, а рядом – его клубный паспорт, мои нелепые рисунки Лилеена, мисочки, лотки, ошейник от блох, который мы купили, но так ни разу ему и не надевали. Но раз нельзя, то я ограничился тем, что всегда имел с собой в кармане маленькую фотографию домашнего любимца, засунутую в пластиковую упаковку от проездных документов. Что-то очень трогательное было в возможности незаметно достать ее на уроке, про себя поделиться с Лилееном насущными делами, в который раз сказать, как мне его не хватает, и выразить уверенность, что, где бы котенок сейчас ни находился – ему там обязательно хорошо. По прошествии же пары недель мне неожиданно стало это поднадоедать – образ домашнего любимца становился все размытее, и, наконец, наступил тот предсказуемый более зрелыми людьми день, когда я выложил его снимок в ящик стола и дал себе слово сохранить память о Лилеене в сердце, чрезвычайно редко об этом вспоминая.

Странно, но продолжавший копошиться рядом с мертвой невестой котенок был очень даже похож на того – не породой или шерстью, а выражением морды. Скорее, даже больше глаз – может быть, по иронии судьбы, это и есть дух Лилеена, переселившийся в другое животное? Вряд ли, конечно, но все возможно, и тогда в каком-то роде он отыгрался или отомстил.

Я убил его, конечно, не нарочно, и он теперь стал виновником гибели моей невесты исключительно по стечению обстоятельств. Или именно Лилеен тянул все эти годы из безымянной могилы свою обличающую и напоминающую о неоплатном долге лапку, а когда настало время, явился собственной персоной, чтобы понаблюдать за мной в момент приведения приговора в жизнь? Может быть, уже тогда его пустой левый глаз не смотрел на меня потому, что видел перед собой происходящее между нами сейчас.

Глава V. О невесте и кладбище

Я сосредоточенно всматривался в мертвую невесту и думал о том, что она выглядит совсем как живая. Наверное, некоторое время после смерти именно так и должно быть, хотя необратимые процессы в теле уже начались. Может, стоит ее вымыть, переодеть, сменить постельное белье, и тогда я опять увижу любимую просто и привычно спящей? Конечно, мне будет известно, что она мертва, но появится возможность созерцать хотя бы замечательную тень того счастья, что так неожиданно и бесповоротно ушло.

Глаза девушки закрыты, а ведь только в их глубинах можно увидеть пустоту и всю неотвратимость произошедшего. Верят люди или нет в существование души, но несомненно одно – нечто уходит из нас в тот момент, когда в свои права неотвратимо вступает смерть. Это похоже на машину, водителя которой хоть и смутно, но можно разглядеть через ветровое стекло, но когда он выходит, мы сразу видим зияющую пустоту и знаем, что дальнейшей поездки уже не будет. А тело – не автомобиль, и в него нельзя потом опять просто сесть и продолжить движение. Покинутая оболочка – удел огня, земли с копошащимися в ней вечными червями или злобных духов, которые могут захватить плоть на то время, пока она не сгниет.

Да, веки невесты прикрыты, и, наверное, самым ужасным было бы сделать мне это самому. Почему?

С детства фильмами и книгами меня приучили, что ладонью закрывают глаза только умершим людям. Я думаю, живые боятся, что через них в наш мир может заглянуть кое-что поужаснее зияющей пустоты. Для смерти вполне сойдет даже маленький глазок, чтобы наметить очередные жертвы, а у покойных появится лишний повод красочно напомнить себе о потерянном. Это разбередит то страшное, с чем кто-то начал смиряться, и заставит с новой силой желать вернуться, не считаясь ни с какими жертвами. Пугающие мысли и перспективы, но они так и оставались для меня чем-то посторонним, пока я не познакомился с девушкой, которой суждено было связать со мной два последних года своей жизни.

Именно она заставила меня не только поменять мнение о многих вещах, но и превратила закрытие глаз ладонями в понятную только нам интимную игру. Когда девушка сделала такое впервые, я был искренне неприятно удивлен и чуть было опрометчиво не высказал свои мысли вслух. Но уже при следующей встрече с удовольствием ощутил на своем лице ее теплые подрагивающие пальчики и легко подчинился, ожидая приятного продолжения. Так она говорила мне о том, что хочет сделать минет, но почему-то убеждала, что действительно «расчувствовать нечто» можно исключительно с закрытыми глазами. Так это или нет, сказать наверняка было трудно, но все-таки я иногда не удерживался и подглядывал за ее плавными движениями, немного покрасневшимися щеками и переброшенными на одно плечо длинными волосами. Почему-то любимая всегда это сразу подмечала и тут же протягивала руку, чтобы снова опустить мои веки, сопровождая игривым:

– Давай только не будем подглядывать.

Я был не против, а во время полового акта вообще склонялся к тому, чтобы девушка лежала исключительно с закрытыми глазами. Казалось, что со своими инстинктивными и примитивными движениями я могу быть просто смешон. Кроме того, мне частенько попадались журнальные статьи про то, что только плохо возбужденная и не готовая к полноценной любовной игре женщина не смыкает глаз. Невеста же всегда закрывала, точнее – позволяла мне осторожно и нежно прикрыть ей пальцами веки.

А познакомились мы в Московском зоопарке. Я сидел у низкой металлической ограды и кормил кусками белого хлеба уток и лебедей. В тот день я сдал на «отлично» последний вступительный экзамен в расположенном неподалеку институте, и уверенность в провале, которая разъедала меня еще с утра, быстро сменилась лихорадочной возбужденной надеждой. С чет-

веркой рассчитывать хоть на что-то было попросту глупо, а вот с пятеркой – может быть. Ведь даже седой доброжелательный экзаменатор, покачивая головой, сказал мне около часа назад:

– Я, конечно, поставлю вам пятерку, но, судя по другим оценкам, шансов поступить к нам получается немного. Разве что очень повезет, но бывает и такое.

Именно последнюю фразу я уже, кажется, бесчисленное число раз прокручивал в голове, и надежда представлялась все более осязаемой и вполне реальной. Однако в таком расположении духа идти домой я не мог – мама обязательно «подлила бы масла в огонь», и от этого можно было серьезно сорваться. Самым правильным и разумным представлялось немного погулять и успокоиться, а зоопарк оказался вполне удачным и удобным решением.

По дороге я почувствовал голод и, зайдя в первый же магазин, купил пару батончиков белого хлеба и большую пластиковую бутылку кока-колы. Вообще-то я любил булочки с изюмом и баночную пепси, вкус которой казался ярче и насыщеннее, но в тот день самым уместным мне почему-то показался именно такой набор.

Когда я дошел до водоема с птицами, то успел съесть один батончик и выпить больше половины шипучей жидкости, отчего как-то болезненно начало отдавать в плечо. Подобное я замечал за собой и раньше, что означало простое и понятное «хватит». И тут мне попался на глаза мальчик лет семи в забавной кособокой шляпе, который кинул что-то в воду, а птицы жадно бросились к этому месту. Потом он побежал к ожидавшей его маме и вскоре скрылся в нагромождении клеток, а я присел на лавочку и аккуратно поставил в урну пластиковую бутылку. Потом вспомнил, что где-то видел предупреждающий плакат о запрете кормить животных в зоопарке, но подумал, что к обитателям озера это точно не относится.

Я извлек из пакета проминающийся батончик, отщипнул «горбушку» и бросил, сразу отнеся с легкой досадой, что утки гораздо расторопнее лебедей. Но покормить мне особенно хотелось именно последних, поэтому я начал делать броски поприцельнее, что почему-то мало отразилось на точности. А в какой-то момент я заметил присевшую на другой конец лавочки симпатичную девушку, явно чем-то расстроенную и задумчивую. Ну, чем не повод познакомиться?

Я некоторое время скрытно наблюдал за незнакомкой, а потом встал и, сохраняя спокойствие, медленно подошел, неся перед собой остатки батончика.

– Девушка, не хотите мне помочь?

В ответ на мои слова она подняла голову и некоторое время просто смотрела, наконец, помотав головой, словно не понимая.

– Никак не могу накормить лебедей – утки все время оказываются проворнее. Может быть, у вас получится лучше? – улыбнулся я и протянул ей хлеб.

– Ну, давайте попробуем. – Девушка нерешительно подняла руку и усмехнулась.

Вскоре остатки батончика были отданы птицам, а мы сидели рядом на лавочке и увлеченно разговаривали. Оказывается, она подъезжала навестить заболевшую пожилую тетю, которую очень любила, и, чтобы немного успокоиться, забрела сюда. А вскоре я узнал, что новая знакомая обожает классическую музыку, поездки на природу, коньки, игру в «снежки», хочет стать экономистом, а друзья называют ее Ди, как принцессу Диану, которой она искренне восхищалась.

Мы славно проводили время с новой знакомой, но в какой-то момент она извинилась, сказав, что ей уже пора идти.

– Тогда удачи – рад был познакомиться, – начал я, прикидывая, как удачнее поинтересоваться перспективами новой встречи и взять номер телефона. Что-то банальное после столь романтического знакомства говорить не хотелось, но ничего другого в голову не приходило.

– Меня зовут Ди, – видимо, неправильно истолковав затянувшуюся паузу, улыбнулась девушка и с некоторым удивлением в голосе добавила: – А ты милый.

– Ты тоже очень даже ничего, – немного смущенно рассмеялся я. – Не хочешь еще как-нибудь встретиться и покормить лебедей?

Ди излишне серьезно посмотрела на меня и неожиданно немного покраснела:

– А ты хочешь?

– Конечно.

– Тогда, думаю, это вполне можно устроить.

Ее глаза блеснули, расширились, и, кажется, где-то в их глубине я увидел белого лебедя, плавающего в мутной, но не пугающей своей глубиной воде. Наверное, именно в этот момент я и влюбился. Сейчас сказать наверняка уже сложно, но тогда мне показалось, что Ди – просто идеальная женщина. И впервые в подобной ситуации меня покинули сексуальные мысли, а осталось только безграничное восхищение, преклонение и единственное желание, чтобы мне было дозволено просто находиться рядом с Ди, наслаждаться ее улыбкой, грациозными движениями и длинными развевающимися волосами. Любоваться и преклоняться перед ее естественностью показалось тем счастьем, к которому все стремятся, но достаиваются лишь немногие избранные. Неужели теперь к их числу принадлежу и я?

– А телефон я тебе не дам.

Девушка, словно извиняясь, развела в стороны руки и расхохоталась, видимо, увидев, как изменилось мое лицо, вернувшееся из романтических грез к прозаической действительности.

– Просто у меня его пока нет.

Я вздохнул свободнее и выразил готовность оставить Ди свой номер.

Понятно, что в нужный момент у нас под рукой не оказалось ручки, поэтому мне пришлось импровизировать, что, наверное, вполне достойно завершило наше удачное знакомство. Встав, я с трудом оторвал с ближайшего дерева кусок плотной коры и, не обращая внимания на сочащуюся из указательного пальца кровь, выскоблил на ней камнем свой номер.

– Ты поранился? – В голосе девушки звучало неподдельное беспокойство.

– Пустяки, до нашей свадьбы заживет, – отмахнулся я и предложил пройти вместе до метро, но услышал в ответ:

– Только не надо все портить. Оставайся здесь, а я просто обернусь и увижу, что ты смотришь мне вслед.

Ди быстро сжала своими тонкими белыми пальцами мою руку и стремительно пошла в сторону центральных ворот. А я, глядя ей вслед, подумал о том, что, пожалуй, не испытывал еще ничего подобного ни к одной девушке. И это были не пустые «дежурные» слова, а правда, которую, несомненно, почувствовали в какой-то момент мы оба.

Как, наверное, и у многих ребят моего возраста, мой опыт отношений с противоположным полом исчерпывался несколькими подружками, множеством поцелуев и парой случайных половых актов. Я не считал, что это много или мало, а думал – достаточно. Конечно, ничем даже более-менее серьезным там и не пахло, однако именно в институте я планировал попытаться построить какие-то перспективные отношения. А почему бы и нет? Я был строен, любил пробежаться с утра несколько километров по району, не слыл нюней или каким-нибудь «ботаническим очкариком», имел россыпь светло-русых волос и даже, как уверяла мама, зеленые глаза. Хотя, не знаю – возможно, это было всего лишь плодом ее воображения или воспоминанием из далекого детства. Сам я не видел ничего подобного в зеркале, только мужественное лицо с недавно решительно сбритой рыжеватой растительностью под носом. Конечно, не идеал, но я был о себе весьма неплохого мнения.

– Не забудь, когда позвоню. Ди – это я.

Как и обещала, девушка обернулась, когда я думал, что она уже этого не сделает, и кротко мне улыбалась.

– Не забуду! – крикнул я в ответ и медленно помахал поднятой над головой рукой.

Вот так все и случилось. Она позвонила через два дня, и наши отношения начали бурно развиваться. И хотя я всегда верил в справедливость утверждения, что спешка в подобных делах ведет к скорому разрыву, поделаться с собой ничего не мог. Ведь мы были, кажется, разьединенные когда-то в незапамятные времена и, словно по волшебству, снова нашедшие друг друга половинки. Возможно, именно это восприятие значительно ускорило ход событий и в вопросе совместного проживания с родителями. Еще класса с седьмого они начали все чаще заводить песню про то, что молодой человек моего возраста уже давно должен зарабатывать, помогать семье и «быть самодостаточным». Как? А вот здесь право выбора предоставлялось исключительно мне, и никто не спешил поделиться эффективными рецептами.

– В твои годы мой отец уже у станка на заводе стоял, норму перевыполнял.

Об этом в последнее время все чаще любил поговорить папа.

Было очень обидно, что, оказывается, родители воспринимают меня исключительно как лентяя и нахлебника, поэтому я взялся за дело с большим рвением. Перепробовав несколько вариантов распространения ширпотреба и биологически активных добавок, я понял, что это явно не мое. Завязывать контакты с людьми мне удавалось неизменно хорошо, но в смысле продаж, да еще и с «накрутками», душа не лежала совсем. А вот распространять рекламные проспекты – оказалось очень даже выгодно, не вызывало душевного протеста и занимало разумное время. Понятно, что все деньги я «нес в семью», но опять ловил на себе недовольные и пренебрежительные взгляды.

– Правду говорят, что коли не можешь головой, то работать приходится руками. Так и пробігаешь всю жизнь, как мальчик... – стала частенько приговаривать мама и так на меня смотрела, словно я был уже совершенно безнадежен.

Я старался не унывать, но безуспешно пытался найти выход из создавшегося положения. Параллельно с раздачей проспектов я иногда мыл машины на ближайшей стоянке, помогал разгружать вагоны на находящейся недалеко от дома платформе и даже не брезговал мытьем полов в общественном туалете местного кафетерия. Но казалось, что родители никогда не будут довольны, и если бы даже меня взяли куда-нибудь директором с окладом в разы больше их совокупного, то все равно они ворчали бы. Ведь всегда найдется к чему стремиться и поводы для невыгодного сравнения.

– У тебя есть все, чтобы стать настоящей личностью. Отдельная квартира – это очень важно, и мы создали все условия для твоего развития, чтобы ты не хлебнул коммуналки, – однажды сказала мама, и в следующее мгновение я вдруг осознал – это именно то, что нужно.

Понятно, что даже снять жилплощадь я не мог, но тут весьма кстати оказалось случайное знакомство с дядей Ди на ее дне рождения. Сложно было поверить, но веселый остроумный толстяк, доводивший гостей до истерического хохота своими пассажами, оказался кем-то вроде директора кладбища. По фильмам и в своих фантазиях я всегда представлял себе подобных людей исключительно мрачными, с нездоровым цветом лица, впалыми темными глазами, обязательно в почтенном возрасте и с затаенными недобрыми мыслями. А тут – такой разительный контраст.

– Эх, сбросить бы мне несколько десятков годков, и такая красавица, как ты, точно не смогла бы устоять при встрече со мной! – восторженно вопил он, обнимая племянницу и нарочито комично пытаясь пригладить волосы на практически облысевшей голове. – Пусть на многое я сейчас уже могу быть и не способен, но на танец с такой милой девушкой сил хватит точно!

Чуть позже Ди нас познакомила, и разговор как-то очень естественно перешел к моим насущным проблемам. Хотя я всегда старался делиться с окружающими лишь необходимым минимумом, на этот раз почему-то не смог удержаться и озвучил свою главную заботу – перебраться от родителей хотя бы на время. В ответ, честно говоря, ожидая просто вполне уместную участливую фразу, что-то вроде:

– Ну, надеюсь, что с этим у тебя скоро сладится.

А услышал нечто совершенно неожиданное:

– А место на кладбище устроит?

Сначала я подумал, что это опять какой-то розыгрыш и даже обиделся – всей душой к человеку, а он из этого устраивает какой-то дешевый балаган. Но потом оказалось, что ничего такого в этом нет – наоборот, лишь искреннее участие и вполне конкретное предложение, связанное удивительным образом со знакомыми и памятными мне местами.

– Давай так. Моя епархия – Островцы. Это такое кладбище в ближнем Подмосковье. Добираться не очень удобно, но тебе это все равно – и жить, и работать будешь там. На неврастеника или чистоплюя ты не похож, думаю, работы не чураться, поэтому отлично стоворимся. С деньгами не обижу, что и как подробнее по делам – поговорим на месте. И живи себе на здоровье – отдельный номер со всеми удобствами, разве что туалет и ванна в коридоре. А вообще – романтика.

Он озорно подмигнул и сразу же попросил звать его, как все – Исаныч. Я так и не понял – это такое своеобразное сокращение имени и отчества или же что-то совсем другое, но выяснять посчитал неуместным. Почему бы не звать человека так, как он просит? И хотя вначале я испытывал в связи с этим некоторые затруднения, главным образом из-за разности в возрасте, но быстро освоился. А вообще, конечно, если это была бы какая-нибудь кличка типа «могильщик» или «гробовщик», то я точно попросил бы разрешения обращаться к дяде любимой хотя бы по имени. Было в этом что-то слишком уж фамильярное и неестественное.

– Ой, я бы умерла со страха. Вы это серьезно? – Ди прижала ладошки ко рту и смотрела на дядю широко раскрытыми глазами.

– Поэтому я и приглашаю его, а не тебя, трусиха. Не дрейфь – ничего с твоим ненаглядным там не станется. Я вон сколько лет живу и горя не знаю. Но торжественно обещаю приглядывать и, в случае чего, отгонять от него всякую нечисть.

Исаныч хохотнул и серьезно добавил:

– Парню надо разобраться в себе и почувствовать – на что он реально способен. И то, что я предлагаю, поверь, поможет ему в этом гораздо лучше, чем многое другое.

Так, в общем-то, и получилось. Выдержав несколько дней предсказуемых истерик со стороны мамы и полного игнорирования от папы, одним ранним субботним утром я решительно собрал вещи и доехал на пригородной электричке до платформы Удельная, откуда ходил автобус в сторону Островцов. Как странно – посещая это место с бабушкой, я никогда не мог себе представить, что мне может однажды даже просто прийти в голову фантазия поселиться в таком месте, будучи живым. Но сейчас подобное решение казалось не только нормальным, но и очень уместным в складывающихся обстоятельствах.

Когда я вошел, сгибаясь под тяжестью большой спортивной сумки, в знакомые с детства ворота, то сразу увидел Исаныча, громко и выразительно разговаривающего с неестественно длинным и худым мужчиной, похожим чем-то на вампира. Хотя какие могут быть вампиры на кладбище? Мертвую кровь, насколько я знал, пить им нельзя. Или монстры просто здесь живут, так сказать, арендуя некоторые могилы, не имея возможности поехать в Трансильванию? Какие-то глупости – и не отполированный удобный гроб, а вишневая «девятка», куда уселся незнакомец, послужила этому самым замечательным материальным подтверждением.

Исаныч приветствовал меня с искренней теплотой и, заведя в обшарпанное кирпичное двухэтажное строение, усадил за покачивающийся стол.

– Ну, рассказывай – что ты вообще знаешь про кладбища?

Я начал говорить что-то общее и невнятное, пока он не остановил меня, протестующе вытянув вперед руку и забавно расставив толстые пальцы, унизанные массивными перстнями.

– В общем, ничего толком не знаешь. Не переживай – другого я и не ожидал. Ладно, немного расскажу о том, где тебе предстоит жить и что делать. Обещаю – будет коротко и нескучно, тем более что ты интересуешься историей – здесь ее хоть отбавляй.

Я кивнул, и, пока приятная, очень молодая девушка расставляла перед нами стаканы с чаем, успевая в то же время открывать принесенную мной коробку шоколадных конфет, Исаныч, развалившись на затертом продавленном диване, начал:

– Вообще кладбище – это не только и не столько место погребения умерших, сколько сосредоточение памяти о них. Запомни – все здесь подчинено именно этому. Кроме того, кладбища – неотъемлемая часть культуры городов и сел. Все эти памятники, надгробия, эпитафии, могилы – самая настоящая история. Если угодно – своего рода музей под открытым небом, созданный тысячами разных людей. У каждого из них собственное представление – как должно быть – и разные материальные возможности, но в этом и уникальность окружающего.

– Я как-то об этом не задумывался.

– Поэтому тебе непременно должен кто-то рассказать – посвятить, – улыбнулся Исаныч и сложил пальцы на животе, сильно выпирающем из-под темной замятой футболки с мультипликационным изображением пышногрудой красавицы. – По могилам судят о религиозном и индивидуальном отношении людей к смерти в разные времена, и любое старое кладбище может рассказать гораздо больше, чем целые тома об истории этого периода. А вообще, это самый настоящий ухоженный парк, где человек может ненавязчиво окунуться в природу и использовать его просто как место отдыха или встреч. Кстати, именно так многие и поступают – пусть это покажется странным или смешным.

– Что-то мне никогда не приходило в голову погулять по кладбищу и подышать свежим воздухом, – неуверенно улыбнулся я, но почувствовал, что такой своеобразный взгляд на вещи действительно невольно меня заинтересовывает и придает оптимизма.

– Люди разные, они, как могилы, – каждая чем-то не похожа на другую, но это вовсе не значит, что так неправильно. Однако именно кладбище создает такое уникальное явление, как зримая связь живых и мертвых. Хотя сейчас все чаще люди практикуют анонимное погребение.

– Разве такое возможно? А документы, уход?

– Я говорю о кремации: вынесли человеку урну с прахом, и он хоронит ее в земле на специально отведенном для этого участке. Обычно там нет растительности, а сверху просто выкладывается дерн с травой. Но и это не придает месту такой привлекательности, как обычные могилы – скорее, смотрится неприятно и нарочито пустынно. Почему так поступают люди? У каждого – свои причины, но многие клиенты еще до кончины опасаются, что родственники не будут приходить на могилу и оставят ее в неприличном запустении. Не правда ли, смешно думать о том, что и кто из знакомых подумает на этот счет после смерти человека? Мне, например, будет вообще все равно, но для некоторых это почему-то становится очень важным. Точно так же, как стоимость гроба или вид могильного памятника. Кое-кто готов потратить много своего времени и денег при жизни, чтобы купить себе на кладбище участок и обустроить его именно так, как хочется ему. Каких только чудиков не бывает, но на этом и живем.

Исаныч озорно мне подмигнул и громко втянул смешно сложенными губами горячий чай.

– А вообще-то, здесь тишина, и все всегда нормально. Сколько лет работаю, ни разу не видел каких-нибудь призраков или вылезающих из могил мертвецов, которых так колоритно любят изображать в фильмах ужасов. Честно – было бы интересно столкнуться с чем-то подобным, но, боюсь, не судьба уже. Однако я тебе позже дам такую книжечку с правилами внутреннего распорядка. Там все про приемлемое здесь поведение живых посетителей, график, порядок получения разрешений на проведение работ по могильным участкам и прочая общая дребедень. Но по-настоящему рекомендую почитать другое – «Правила захоронения» и «Поло-

жение о правах пользователей кладбища». Вот это вещь! Там все про разрешенные типы гробов, обряды погребения, порядок траурной церемонии, типы и размеры могил.

– Обязательно прочитаю.

– Да, а то многим кажется, что получил участок и твори там все, что только заблагорассудится. Нет, дорогие мои, – свободно самовыражайтесь, но не забывайте и про уважение к этому месту и другим посетителям. Помню, однажды приехал к нам такой весь «распальцованный» и стал тыкать пачкой денег, чтобы ему, дескать, непременно вырезали на могильном камне слова «смерть жидам». Насилу его выдворили. Кстати, забавно, что по паспорту этого «нового русского» звали Адольф Аллоизович – бывают же такие совпадения. А еще один экземплярчик хотел сделать памятник в виде нацистского креста со свастикой, и это прямо напротив могил воинов-героев. Ну, что за люди? Думают, денег без счета, так хозяева жизни. Но здесь-то территория смерти.

Исаныч громко звякнул чашкой о блюдец и развел руками.

– Или вот некоторые совсем отказываются понимать, что любые постройки на могиле надо согласовать с нами, а не городить все подряд, как на своем садовом участке. И даже просто переместить каменную ограду, бордюр или надгробную плиту – нужна бумажка. Это касается и размеров памятника, в зависимости от типа могилы, закладки фундамента под него и сноса. А сколько воплей можно услышать, когда родственники плохо ухаживают за могилкой и мы выписываем штраф. Уму непостижимо. Хотя, что там говорить, некоторые даже представить себе не могут, что за аренду могильного участка взимается плата.

– Честно говоря, тоже не знал всех этих деталей, – виновато промямлил я, чувствуя, что, возможно, не так уж все здесь и просто.

– Ничего, ты парень с головой – научишься. Еще на выставку памятников вместе поедем – есть там на что посмотреть, перенять опыт, повосхищаться. Искусство, понимаешь! А вообще, работа у тебя не пыльная: в чем просят – помоги да приглядывай за порядком. В праздники народа всегда много, в будни – день на день не приходится. Шугай разных подозрительных и праздношатающихся типов, алкоголиков сам не буди – просто скажи мне. И не пугайся – они часто пьют водку, которую так любят оставлять посетители в пластмассовых стаканчиках, и лежат на могиле в таком виде, словно действительно выбрались из-под земли. Кстати, наш настоящий бич – шелуха от яиц на Пасху, на них очень падки бомжи. Приметишь кого-то, выдергивающего цветы с могил, не мешай – иногда удастся перепродать их даже десятку посетителей. А вот если какие личности будут что-то копать, ломать, разрисовывать или еще чего подобное, сразу беги ко мне – это могут быть вандалы, бандиты, да кто угодно. На этих типов – другие люди у меня есть.

– Сложно все запомнить так сразу, но я буду стараться.

После этого короткого разговора мы «ударил по рукам», и все оказалось действительно несложно – это даже вначале немного разочаровало. Помню, будучи школьником, я с какого-то момента начал относиться к взрослым с большим уважением только из-за того, что они работают. В самом деле, учеба, секция и разного рода общественные мероприятия казались больше затянувшейся игрой, какими-то обременительными пустяками, никак несравнимыми с настоящей работой. Однако, благодаря усилиям родителей, мне в старших классах не составило труда понять, что на самом деле все гораздо банальнее.

Первая ночь на кладбище далась мне тяжело. Старый незнакомый дом был просто переполнен необычными звуками, которые становились все таинственнее с наступлением темноты. Я старался не напоминать себе, в каком месте поселился, и, хотя всегда со смехом относился к разного рода «байкам из склепа», особой бравады не испытывал. Ведь именно здесь и сейчас казалось вполне возможным, даже естественным, появление зомби или летающие между крестами призраки. Поэтому я более-менее задремал только к рассвету, а потом выбросил из головы все эти глупости и спал спокойно до одного случая.

– Ты видел когда-нибудь некрофила? – спросил однажды Исаныч и как-то нехорошо ухмыльнулся.

– Нет. Это тот, который любит трупы? – робко поинтересовался я и замер.

– Да, один из таких грязных извращенцев. Я понимаю еще все эти плетки и наручники с бабами, но такое... Представляешь, спросил у него – презервативом-то он хоть воспользуется? И что же? Вежливо так улыбается, глазки бегают, и мямлит – зачем, мол, это ей, она и так не забеременеет. Ну, мертвая девка. Каково?

– Ужасно, – поспешно кивнул я и, попытавшись представить себе нечто подобное, испытал легкую тошноту и головокружение.

– Но от нее, конечно, покойницы, ничего не убудет, а денежки платятся очень хорошие. Вот так вот. Поэтому ты сейчас глянь на него, запомни и не поднимай шума, да и сам не дрейфь, когда ночью заметишь этого извращенца.

– А он с кем будет этим заниматься?

– С трупом – натурально. Есть тут у нас пара относительно свежих могил, так он выбрал недельной давности – представляешь? Я ему советовал ту, что, помнишь, вчера закапывали, а он говорит, что, дескать, ничего в этом человек непосвященный не поймет. Умник. Видите ли, запах там эдакий, еще что-то не так. Каких только уродов земля не уродит.

– Так он будет раскапывать, и прям там...

Фантазия начала подсовывать мне весьма неприятные образы, и я почувствовал, что больше не хочу продолжать этот разговор.

– Конечно. Сам раскопает, сделает свои делишки, и все на место положит. Я в его грязных игрищах участвовать не намерен и никому из своих не позволю. Что случись – видом его не видывал, и пусть выпутывается сам.

Я кивнул и задумался о том, что, раскопав могилу и вскрыв гроб, нужно прямо-таки железное здоровье, чтобы еще чего-то хотеть с живыми или мертвыми, да еще и с перспективой очень скоро вернуть все назад.

– Знакомьтесь! – Исаныч распахнул дверь и пригласил войти хорошо одетого мужчину.

От гостя приятно пахло, и, судя по манерам и словам, это был утонченный и интеллигентный человек. Никогда бы ничего подобного про такого даже близко не подумал. Скорее, тип напоминал стареющего учителя. Воображение же рисовало мне совсем другой образ: эдакого человека-зверя с горящими безумием глазами, огромными цепкими руками и первобытной силой. В реальности все оказалось намного лучше, но одновременно и ужаснее. Почему? Я вдруг подумал – какую же отвратительную грязь скрывает множество самых благовидных образов. Вполне возможно, с еще худшими типами я не только соприкасаюсь на улице, но и живу в одном доме.

– Очень приятно, молодой человек. – Некрофил протянул руку, и я, после некоторого колебания, осторожно ее пожал.

Ладонь гостя была исключительно сухой, а возможно, даже и припудренной, но мне почудилось, что от нее веет могильным холодом и в поры непременно набилась земля, которая не смывается. Даже в благородной седине некрофила я подсознательно выискивал жирных шевелящихся могильных червей, которые незаметно заползли в волосы, запутались и отчаянно барахтаются, чтобы освободиться и проползти столько, сколько потребуется, лишь бы опять добраться до могил. Не знаю, испытывал Исаныч подобные ощущения или просто не принимал такого человека, но они друг другу рук не пожали.

А той же ночью я настороженно выглядывал в окно и видел рассеянный свет рядом со свежей могилкой. Кажется, иногда до меня доносились животные рыки и какие-то чавкающие звуки, но, скорее всего, это мне просто чудилось. И на это, конечно, были очень веские причины! Утром я специально ходил прогуляться в ту сторону, но не заметил абсолютно ничего подозрительного. Если бы Исаныч не познакомил меня накануне с этим некрофилом,

то, вполне возможно, я вообще ничего такого и не узнал бы. С другой стороны, необычный постоянный свет ночью на кладбище непременно заставил бы меня выяснить – в чем там дело, а стать свидетелем сцены извращенного полового акта с трупом мне не хотелось точно.

Позже к нам навевались еще какие-то маниакальные личности – один даже с небольшим хирургическим скальпелем и желанием непременно медленно отрезать пальцы на ногах женских трупов, предварительно коротко состригая с них неровно подросшие в гробу ногти. Но они произвели на меня гораздо менее тягостное впечатление, чем этот первый встреченный мной «разоблаченный» некрофил. А может быть, я просто стал привыкать к кладбищу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.